

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Роман Михеенков
Слова и музыка
рассказы

Роман Михеенков
Слова и музыка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Михеенков Р.

Слова и музыка / Р. Михеенков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07091-2

Тот редкий случай, когда книга русского автора сначала публикуется в переводе на арабский и только потом на родном языке. Герой сборника рассказов «Слова и музыка» – неповзрослевший мальчишка с криминальной окраины провинциального города. Его советское детство было отравлено музыкальной школой, юность – перестройкой, а «взрослость» так и не наступила. Герой ищет себя в музыке и журналистике, любви и политике, бизнесе и театре. Действие происходит на Мальте и Западном побережье США, в канадской провинции и Венеции, в Лондоне и российской глухомани. Время, описанное в книге – с конца 1970-х по ближайшее будущее. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07091-2

© Михеенков Р., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Двор моего детства

Упражнения на развитие беглости

Allegro accelerando

Шустрый мальчишка в полосатой футболке с «десяткой» на спине элегантно финтом подбрасывает футбольный мяч и, повторяя трюк великого Марадоны, вгоняет его в ворота. Следующий за этим дикий танец подробно отрепетирован: разворот в левую сторону, прыгая на правой ноге, разворот в правую сторону, прыгая на левой и три прыжка «шимпанзе».

– Маэстро! К инструменту!

Это крик отца на весь двор. Он вернулся с работы – футбол на сегодня закончен. Черни отдает пас Гермеру, и мы выходим к воротам Бетховена.

Раз – и – два – и – три – и...

«Маэстро»... Считать, сколько раз мне приходилось драться из-за этой клички, бесполезно. Мальчика, играющего на пианино в уголовном районе провинциального города, не травить не могут по определению.

Раз – и – два – и – три – и...

Садистская гордость отца, желающего воспитать вундеркинда, распаивает балконную дверь.

– Маэстро! – Это уже крик с улицы. И я уже знаю, кому буду завтра бить морду. Или мне.

Раз – и – два – и – три – и...

Двор заставляет жить двойной жизнью. Дома заведено общаться с родителями «на вы», на улице я «ботаю» исключительно «по фене». Годам к двенадцати я умудрился найти точку гармонии на лингвистическом уровне:

– Что же вы, мамочка, милый друг, кидаете мне гнилые предьявы, – я уроки сделал.

– Папа, вы рамсы не путайте. Сначала математика, потом пианино. Завтра контрольная.

По другую сторону «баррикад» это срабатывало довольно неожиданно:

– А не соблаговолите ли вы, сударь, пойти на ...

Бывало, что шли.

Раз – и – два – и – три – и...

Я неделю не появляюсь во дворе. Домашний арест. За «драку с применением специальных средств» я поставлен на учет в «Детской комнате» милиции. Даже родители не поверили, что «фрагментом арматуры» я защищался. Зато ни одна награда мира не сравнится с этой чарующей формулировкой – «за драку с применением специальных средств»! Круче только сесть в тюрьму или короноваться в «законники». Но это уже как аспирантура.

Когда в Воркуте «короновали» моего соседа Прокофа, двор гулял неделю. На какое-то время Прокофьев стал моим любимым композитором. Я выучил даже «Джувьетту девочку».

Раз – и – два – и – три – и...

У меня сегодня праздник! В «Советском спорте» вышла статья об Олеге Блохине с огромным заголовком «Браво, МАЭСТРО!» Еще два часа этюдов, и я покажу газету этим уродам во дворе. Пусть дразнят. Теперь мне эта кличка даже нравится.

Раз – и – два – и – три – и...

Я моральный урод, никчемный человек и место мне в ПТУ. Отец таскал меня на концерт детского хора Попова. Несчастные детишки из Москвы, душимые пионерскими галстуками, ангельскими голосами пели песню «Летите, голуби», а потом играли с залом в музыкальную «угадайку». По пути домой отец поинтересовался, в какие игры играю я во дворе. «Побег из зоны» его не впечатлил. А я испытывал такую гордость, игру ведь я придумал. Она развивала ловкость и стратегическое мышление. «Зарница» отдыхала.

Раз – и – два – и – три – и...

Мне купили гитару. Родители долго упирались, но я пообещал научиться играть за сутки.

Через двенадцать часов я заунывно провыл «Утро туманное», а через двенадцать часов и десять минут я надрывался во дворе: «Голуби летят над нашей зоной», «Гоп-стоп» и прочая «классика». Местные урки постановили, что к зоне я готов: «на учет» есть, на гитаре играю. Одноклассники страшно завидовали.

Раз – и – два – и – три – и...

Маэстро – бабник! В соседний двор приехала семья военных. Я пригласил Верочку в кино. Меня ненавидели все: девочки – за то, что выбрал не их, мальчики – за то, что первый решился. Верочка крайне удивила меня, попросив сыграть ей на пианино. До этого момента я считал свои занятия музыкой чем-то постыдным, недостойным мужчины. Уж не знаю, целовали ли Баха в шею, когда он писал свои прелюдии и фуги, но у меня в этом сочетании они звучали потрясающе.

Раз – и – два – и – три – и...

Оказывается, пианино – замечательный инструмент обольщения. Жаль, что Верочка этого не оценила в полной мере. Она замерла на прелюдиях, не позволяя фуг, и очень обиделась на мои музицирования с другими, более «полифоничными» девочками.

Раз – и – два – и – три – и...

Ни один выигранный мною музыкальный конкурс, ни один блестяще сданный экзамен не сравнится с тем, что произошло сегодня. Отсидев свои пять лет, из зоны вышел Прокоф – «законник», мой сосед по подъезду. Я осмелился пригласить его в гости, пока нет родителей, чтобы сыграть ему произведения Прокофьева. Мне, мальчишке, это почему-то показалось уместным. Прокоф внимательно слушал мою игру. По глазам-щелочкам я понял, что ему понравился «Танец рыцарей» из «Ромео и Джульетты». Потом я поил его чифирём, слушал рассказы о зоне. Уходя, Прокоф сказал, пристально посмотрев мне в глаза: «Валить тебе отсюда надо, Маэстро...»

xxx

Я приезжаю в этот двор один раз в год – на мамин день рождения. Сейчас деревья, служившие штангами футбольных ворот, стали вдвое выше. Верочка умудрилась выйти замуж за военного, охраняющего местную пересыльную тюрьму. В каждый мой приезд кто-нибудь из одноклассников обязательно на свободе. Рассказывают мне о жизни двора. Мальчишки слушают, учатся фене. Мою игру «Побег из зоны» забыли. Правила придумал я, а на момент своего исчезновения преемника себе не воспитал. Жаль, хорошая была игра. Я в нее выиграл.

Килька в томате

Килька плавает в томате,
Ей в томате хорошо,
Только я, е**** мать,
Места в жизни не нашел.

В доме культуры консервного завода, затерянного в лесах между Москвой и Петербургом, идет смотр художественной самодеятельности. Судя по нарастающей страсти конкурса частушек, приближается финал-апофеоз. Главный бухгалтер Артемида Егоровна и старший экономист Афродита Захаровна терзают пьяненького гармониста. Он – главный эротический приз их частушечного сражения. Дамы по очереди выпускают друг в друга отравленные сарказмом и сермяжной порнографией стрелы частушек. Каждая следующая частушка должна быть острее

предыдущей. Иначе гармонист этой ночью будет аккомпанировать сопернице. А если очередной фольклорный шедевр не вспомнится, – боль поражения будет преследовать участницу до следующего конкурса. Женщина, вовремя не вспомнившая частушку, похожа на рыбу, выброшенную на берег.

– Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Я лежу связанный, с кляпом во рту в соседнем здании – на складе готовой продукции. Слева у стенки корчится и мычит туго спеленатый зам начальника упаковочного цеха Петрович, в центре склада группа бывших соотечественников из Азербайджана добивает бейсбольными битами начальника цеха Моисея Рюриковича. Если бы не тошнотворный чавкающий звук ударов, их можно было бы принять за сборную Азербайджана по бейсболу. Бандиты отбрасывают труп в угол, поворачиваются к самому крупному представителю братского народа. Тем самым они показывают мне доминирующего самца в их стае. Мандариновый Джо, старый знакомый! Интересно, узнает ли он меня. Это может пригодиться, если дадут сказать хоть слово. Волосатый монстр выбирает следующую жертву, поочередно тыкая в нас с Петровичем кривым пальцем, как в детской считалочке. Боевиков насмотрелся, сволочь. Если он выберет не меня, а Петровича, я проживу еще минут двадцать. Тело каменеет от напряжения, уши жадно ловят частушки. Я мысленно пропеваю каждое слово:

Я вчера с интеллигентом
Е**лась на завалинке.
Девки, пенис – это х**,
Только очень маленький.

Ангажемент на роль гармониста в доме культуры консервного завода я, ныне повышенный до звания товароведа, получил штыря – играя по вагонам на аккордеоне в электричке «Москва – Тверь». Заместителя директора впечатлило мое исполнение «Мурки», кроме того, их штатный гармонист Ипполит Иванович ушел в запой. В отделе кадров подозрительно повертели в руках диплом консерватории и взяли на испытательный срок. Я даже не смог обидеться. Когда вся страна продает и покупает дипломы, проверить их подлинность можно только в бою. Да и что такое диплом в 1992 году? Он годился только для почесывания в труднодоступных местах.

А как мечтали об этом дипломе понаехавшие в Москву толпы юных талантов. Удивительное было время, когда курсы валют менялись быстрее идеалов. Удивительное и короткое. Через пару месяцев выжившая в конкурсе десять человек на место «могучая кучка» разделась на три лагеря. Идеалисты – рыцари скрипичного ключа, сохранившие любовь к музыке и веру в профессию, возмечтали «сесть» в оркестр. Ездить на зарубежные гастроли и жить на сэкономленные суточные. Суточные выдавались в СКВ (свободно конвертируемой валюте). Неидеалисты быстро «расселись» по ларькам, – торговать ликером «Амаретто» польского разлива и спиртом «Рояль». И те, и другие мечтали «сесть» в кабак. То есть играть в ресторанном ансамбле. Это позволяло за удачный вечер заработать сумму, равную суточным длительных зарубежных гастролей или же зарплату торговца в ларьке за месяц. Мне повезло оказаться в числе кабацких сидельцев.

– Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Наш ресторанный «Квартет имени денег» бурлил страстями похлеще Датского королевства времен Гамлета. Гитарист Эдик пел только «фирму» – песни на всех языках, кроме русского, и презирал клавишника Толика, который пел исключительно «совок» – композиции отечественных авторов. Солистка Люба когда-то была женой Эдика, потом Толика, теперь снова

Эдика и пела все. Меня они нашли в переходе метро «Тверская» – «Пушкинская». Я играл французские вальсы-мюзетты, – это перекликалось с кухней ресторана, и пел уголовные песни, что соответствовало запросам публики.

Прослушивание нашего разношерстного квартета проводил лично хозяин ресторана – мандариновый магнат из бывшей союзной республики с труднопроизносимым именем. Я сыграл «O, Paris», Толик прохрипел что-то из «Машины времени», Эдик промурчал «Love me tender», Люба простонала песню про паромщика. Мандариновый магнат дожеввал лобстера, поковырял вилкой в зубах и повернулся к сцене. Он вспоминал русские слова, а мы изнывали от желания трудоустроиться. Люба не выдержала:

- Вам понравилось?
- Панимаэтэ... У всех сэмы... Нада как-та... па-чэлавэчески...
- Конечно! У всех семьи. По-человечески надо!
- Вот и я гавару... У всех сэмы...

Мы поняли, что приняты на работу минут через сорок, когда услышали эту фразу раз двести. На всех этапах общения с Мандариновым Джо, как мы его окрестили, я слышал от него только эти слова. В ансамбле его понимал только Эдик – ресторанный музыкант в третьем поколении. Когда хозяин ресторана просил нас что-нибудь исполнить, он подходил к Эдику и напоминал, что «у всех сэмы». Эдик поворачивался к Толику и брезгливо просил его спеть серовскую «Мадонну», «Гоп-стоп» или «Извозчика». Каким образом он каждый раз угадывал желания босса, так и осталось тайной. Я подозревал, что Эдик и сам не знал, а правильные ответы диктовала вселенная или какое-нибудь ресторанный божество, купившее его душу. Кто мог предсказать, что я встречу Мандаринового Джо в упаковочном цехе консервного завода? Он и здесь главный.

- Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Надежды азербайджанского бейсбола отрабатывают удары на Петровиче. Его визг сквозь кляп вызывает стоматологические ассоциации. В происходящем есть определенная логика. Это не просто бандитские разборки. Начальник и его зам, сочетающие в себе жадность и глупость, рано или поздно должны были нарваться на возмездие. Одно дело обманывать государство, другое – кидать бандитов на три вагона черной икры. Пацаны рамсы попутали. Это понятно даже выпускнику консерватории.

- Не ходите, девки, низом,
Там в кустах сидит бандит.
У него в штанах кувалда,
Всю пи*** разворотит.

Артемиде Егоровна добивает соперницу в конкурсе частушек. Бандиты добивают Петровича в конкурсе «Гдэ кансэрва». Как только они его прикончат и вынут кляп из моего рта, я скажу им «Гдэ кансэрва». Если сразу не убьют. От черно-волосатой массы отделяется самый молодой бандит, бьет меня ногой в живот. Насмотрелся на кровь, звереныш, пар решил выпустить. Ногу бережет, удар не сильный.

- Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Параллельно с продвижением культуры в массы с ресторанной сцены, я двигал ее и в других местах. Это была беспорядочная музыкальная жизнь: от фольклорных коллективов до джазовых ансамблей. Не гнушался даже умирающей государственной филармонией. Это напоми-

нало об академическом образовании и давало возможность периодически выходить на сцену во фраке. Я всегда считал, что мои музыкальные таланты превосходят сексуальные, но в филармонии оказался именно классическим путем – через постель. Заслуженная артистка РСФСР, судя по уровню ее пения, добилась звания тем же способом, и выбирала меня в качестве концертмейстера, не изменяя традициям. Она напоминала грозовую тучу. Два горящих глазика, мечущие молнии, а остальное всё – туча.

За возможность выйти на сцену во фраке я погружался в глубины самых смелых эротических фантазий, чтобы периодически подтверждать статус работника филармонии.

– Я тебе, сука, всю рожу расцарапаю, падла!– спустя примерно три месяца заслуженная артистка РСФСР бросилась на меня за кулисами зала Чайковского, заглушая зрительские овации. За минуту до этого на сцене она пела песню, в которой были слова: «Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок». Она пела ее и раньше, но в этот раз черт дернул эту тучу именно на этих строчках начать раскачиваться из стороны в сторону на ножках-колоннах, изображая колосок. Этот Колосс вызвал у меня смеховую истерику.

В итоге – расцарапанная рожа, отлучение от филармонии и никакого фрака.

Ты, Матаня, с юморком,
Я любил тебя рачком...

– Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Беда не приходит одна. Вылет из филармонии совпал с окончанием моей кабацкой карьеры. Заскучавшая певица Люба решила пощекотать нервы своим мужчинам и заявила им, что уходит ко мне, даже не поставив меня в известность. Меня, конечно, позабавило, что эта информация стала причиной драки между Эдиком и Толиком, без моего участия. Но из ресторана пришлось уйти.

– У всех семьи, надо по-человечески...– сказал мне Эдик.

Пере*б я всю деревню,
Повели меня на суд.
Впереди гармонь играет,
Сзади ё*аных несут.

И, чтобы добить меня, в этот момент случились выпускные экзамены в консерватории, о которой я почти забыл. Оценки волновали меня мало, но вылет из общежития...

Против остатки денег, обмывая диплом, я оказался на улице. С аккордеоном. Как выяснилось, уличное исполнение больше не приветствовалось, скорее каралось. Я посетил с дружественным визитом все обезьянники станций метро в центре Москвы. В обезьяннике 5-го отделения милиции, куда меня в очередной раз заграбастали менты за игру на Арбате, я познакомился с помятым жизнью лингвистом из Твери. Непохмелившийся лингвист посоветовал мне направить мой талант в электричку «Москва – Тверь».

Поезд едет с ветерком
По лесной дорожке,
Мою милую е**т
За мешок картошки.

– Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Через несколько минут станет понятно, сколько я еще проживу. Важно говорить короткими фразами, которые бандиты поймут. Задача – сразу заговорить с главарем – Мандариновым Джо – и увязать в его первобытном сознании мою жизнь и их получение «кансэрвы».

Мучения зама играют на меня. Бандиты устанут и утолят жажду крови. Держись, Петрович. Держись, родной.

– Гдэ кансэрва, сука? Гдэ кансэрва? Гдэ, сука, кансэрва?

Остались мгновения. Когда они вынимают кляп, Петрович способен только пускать кровавые пузыри.

Моя музыкальная карьера на консервном заводе по продолжительности была равна запою штатного гармониста Ипполита Ивановича. Но главный бухгалтер Артемида Егоровна, несколько раз обладавшая мной, как призом частушечного конкурса, жалилась. Меня повысили до товароведа упаковочного цеха.

Обычно через постель получают роли в театре и кино, депутатские мандаты, яхты и лимузины. Я через постель устроился товароведом на консервный завод. Головокружительная карьера!

Я обклеил туалет заводского общежития лауреатскими дипломами и отправился постигать азы новой профессии.

Масштабы воровства сначала изумили меня, потом восхитили. Начальник цеха Моисей Рюрикович был Моцартом от воровства, его зам Петрович, – как минимум, Вивальди. Они умудрялись украсть даже то, чего нет в природе. Проводили по бухгалтерии целые составы несуществующей продукции, трижды воровали деньги на строительство нового цеха, а потом пять раз на его модернизацию. При том, что сам цех строить никто даже не собирался. Отдельным гимном воровству была операция по ввозу астраханской консервированной осетрины под видом «Кильки в томате». Я лично занимался переклеиванием этикеток. И начальник, и зам гордо носили на груди след от раскаленного утюга – память о бандитских разборках, будто это был орден.

Что они сейчас могут сказать в ответ на вопрос «Гдэ кансэрва, сука?», когда этой «кансэрвы» не существует.

Мы ворует, что попало,
Мы ворует все подряд,
И звезду у генерала,
Даже це*** у девчат.

Вот бы сейчас оказаться на сцене дома культуры, растянуть меха, отдаться на растерзание бухгалтерше или экономистке.

Душа мошенника и ворюги, а по совместительству – заместителя начальника упаковочного цеха Петровича перемещается из одного ада в другой. Моя очередь. Если я скажу им, что консервов никогда не было, меня просто убьют. Надо выиграть время. Я выплевываю кляп, набираю полные легкие воздуха:

– Я покажу, где консервы. Я хочу жить. Я покажу, где консервы.

Эффект неожиданности сработал. – Тебе скажу. Ты главный, – говорю Мандариновому Джо.

Герой боевика в этой ситуации назвал бы главным другого, вызвал бы между ними конфликт, а потом эффектно всех перестрелял. Только я -мальчик из хорошей семьи с музыкальным образованием, а не последний бойскаут.

– Гдэ кансэрва...

Хороший симптом, Мандариновый Джо не добавил слово «сука».

– Я покажу. В Москве на складе.

– Гдэ на складе?– сработало, пока живу.

– Я покажу. Я хочу жить. Я покажу.

– Здэс покажи.

– Здесь нет. Москва покажу,– моя мама – филолог может мною гордиться.

– Пакажэшь.

– Покажу!

– У всех сэмы... Нада па-чэлавэчески... Э! Я тэбя знаю, да! Ты рэстаран играл...– наконец-то Джо узнал мою окровавленную физиономию, до Москвы точно доживу, а там...

Главный бандит произносит что-то на своем языке, ко мне подходит поросшая шерстью горилла, замахивается...

В багажнике бандитского мерседеса темно, тесно и воняет бензином. Судя по прекратившейся тряске, мы выехали на Ленинградское шоссе.

Слово «консерватория» подействовало на азербайджанских бандитов успокаивающе. Все логично: консервы – консерватория.

– Только не обращайтесь внимания, там сверху музыка, а в подвале склад.

– Ты склад покажи, да!

Один шанс из десяти, что мне удастся сбежать, пользуясь знанием консерваторских закоулков. Сколько раз я пробирался в Большой зал консерватории на аншлаговые концерты, пользуясь окошками в туалетах и пожарными лестницами. Лежа в багажнике, я почему-то вспоминаю Моцарта в исполнении Исаака Штерна. Божественная музыка, неожиданный Моцарт, звучавший по-одесски, форточка в туалете, которую открыли для меня однокурсники. Форточка!

Консерватория шокировала бандитов симфонией звуков, раздававшихся изо всех окон одновременно. Остатками дистиллированной воды, валявшейся в багажнике, они смыли с меня кровь, выдали кожаный плащ, прикрывший рваную окровавленную одежду, и повели в храм музыки. Двое по бокам, один сзади. У каждого в карманах плащей по два пистолета с глушителями. Они их мне заранее продемонстрировали, чтобы не рыпался.

Господи, как я давно здесь не был. Милая уютная улица Герцена. Очаровательный скверик. Памятник Чайковскому. Петр Ильич посмотрел на меня, сопровождаемого отморозками. В его взгляде я прочитал: «Ну, и кто из нас пидарас?».

Если я попрошусь в туалет, не отпустят. Надо вложить эту мысль в их мочевые пузыри, мы все долго ехали.

– Если нужен туалет, то это здесь,– говорю я невинно и жду реакции.

– Стой, да!

Бандиты по очереди идут в туалет, когда последний возвращается, я, изображая страдание, прошу:

– Можно мне тоже, не могу больше терпеть?

Я все точно рассчитал. Облегчение после туалета подействует на них расслабляющее, могут и разрешить.

Бандиты переглядываются, что-то лопочут на своем языке:

– Иди, да, быстро. Мы здэс,– подвигал пистолетами в карманах плаща.

На окне в туалете стоит банка от «кильки в томате», служащая пепельницей. Крайняя кабинка со спасительным окном занята. Судя по немелодичному кряхтению, это надолго.

– Слушай! Выручай! Мне срочно надо в эту кабинку!– шепчу, приложив губы к самой двери.

– Вам что, больше срать негде?

– Мне окно нужно, чтобы вылезти, меня сейчас убьют!

Господи, благослови валторнистов! Молодой человек поверил моему шепоту и выскочил, в одной руке держа штаны, в другой футляр с валторной.

– Спасибо тебе, только не выходи, пока я не вылезу! У двери вооруженные бандиты.

Молодой человек, похожий на Бетховена в юности, мгновенно удалился в соседнюю кабинку. Экстремальная новость подарила ему вдохновение.

Какая сволочь забила форточку гвоздями!

Я хватаю банку от кильки, надеваю ее на кулак, замах. Осколки со звоном падают мне под ноги. Полет со второго этажа длится бесконечно. Я слышу крики бандитов, приглушенные хлопки выстрелов, треск выбиваемой двери.

Долгое время я мечтал вернуться в Россию, пока не выяснилось, что Мандариновый Джо теперь депутат законодательного собрания, а по схемам начальника упаковочного цеха и его зама теперь работает государство. Европа, Америка и Австралия так и не стали для меня родной. Как же сложно найти консервы «Килька в томате» здесь в Венеции. Каждый год к пятнадцатому сентября я исхитряюсь эти консервы «достать», как это называлось в юности. Отмечаю мой второй день рождения. Я расчехляю аккордеон, пою матерные частушки, закусываю водку килькой. Первый тост за начальника упаковочного цеха, второй – за его зама. Я знал, где они прячут кассу. Это позволило мне сбежать за границу и комфортно существовать уже многие годы. Третий тост за меня:

Килька плавает в томате,
Ей в томате хорошо,
Только я, е**на мать,
Места в жизни не нашел.

Мюзет

Allegretto

– Мадмуазель, как пройти к площади л’Этуаль? – мой вопрос вспорхнул по клавиатуре и спрятался в переливах аккордеона.

Я вздрогнул, услышав звуки собственного голоса. Что произошло? Я вдруг очутился в Париже и обращаюсь к очаровательной незнакомке на чистом французском. Или мы знакомы? Нет, такую не смог бы забыть. Ангел... а в глазах чёртики пляшут вальс-мюзет. Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три... Вспомнил. Ренуар. Портрет Жанны Самари. Мы виделись в Пушкинском музее. Неужели я провалился во временную дыру?

– Мсье преследует девушку десять кварталов, а потом с парижским акцентом интересуется, как пройти... думаю, он собирается угостить её бокалом красного вина?

В интонациях незнакомки не было и намёка на доступность. Журчание мюзета. Аромат цветущих каштанов. Лёгкость прозрачного шарфа, парящего вокруг её изящной фигурки. Она неуловимым жестом пригласила меня в свой Париж. Мой Париж?

– Я здесь впервые, поверьте...

– Жанна, – улыбнулась моя парижанка.

– Пьер, – представился на французский манер.

– Кафе на ваш выбор, милый Пьер, куда мы пойдём? – промурлыкала она строчку второго куплета, пока я путался в словах недопетого первого.

Куда?.. Зачем она спросила?.. Сейчас всё исчезнет...

– Ах, Жанна... Я никогда не был в Париже, не знаю ни слова по-французски. И говорю с вами только потому, что прямо сейчас в студии звукозаписи играю на аккордеоне вальс-мюзет.

– Я персонаж вашего вальса? – удивилась девушка.

– Увы... Я в унылой осенней Москве, моя студия затерялась в подвалах заброшенного завода в промзоне на шоссе Энтузиастов. Только не исчезайте, Жанна, у нас ещё один куплет.

– Идёмте ко мне, я сварю потрясающий кофе...

– Милая Жанна, всего куплет... С вами хочется симфонии...

– Тогда скажите, как пройти на Шоссе Энтузиастов? Я не могу просто так с вами расстаться.

Надо же, я её только что придумал, а она уже не хочет со мной расставаться. Как стремительна фантазия самовлюблённого аккордеониста.

Вычурный пассаж пронёс мою руку над клавиатурой и растворился в пустоте, не оставив впечатления концовки. Не верю в финалы. Закончиться могут ноты, вальсы не заканчиваются. Особенно мюзеты. Их очаровательное легкое прихрамывание на слабые доли создаёт пространство свободы и бесконечности. Наивное и совершенное.

xxx

Над пультом, утыканным лампочками, датчиками и кнопками, безутешно плакал звукорежиссёр Лёвушка – нежный юноша с трепетной душой. Он был до стихосложения в меня влюблён. Но Левушкина нежность была настолько уточнённой и изысканной, что не позволяла даже намёков на нашу физическую близость. Так влюбляются в картины или поэмы. Я тоже по-своему любил Лёвушку – светлого и открытого человека. Познакомившись на проекте – записи диска французских вальсов, мы стали друг для друга Парижем, в котором оба не были никогда.

– Пётр, вы играли... как бог... а у меня магнитофон плёнку зажевал... – выдохнул Лёвушка между всхлипами.

– Спасибо, что не остановил.

– Это было... Это было...

– Не переживай, музыка же не на плёнке.

Неизменно элегантный, одетый с безупречным вкусом, Лёвушка каждое утро выходил из метро «Авиамоторная», не поднимая глаз пробегал вдоль промзоны, пробирался через груды строительного мусора, чтобы перенестись в наш Париж. Будто от шоссе Энтузиастов до Елисейских полей кто-то проложил тайную ветку метро. Поезд до Парижа отправлялся с первыми звуками аккордеона, а я исполнял роль машиниста. Раз-два-три. Раз-два-три...

- Buonjoure, Пьеро...
- Buonjoure, Жанна. Кто показал тебе дорогу на шоссе Энтузиастов?
- Я на Монмартре, милый...
- Значит, я снова в студии.
- Продюсер торопит тебя, а ты целый день играешь один и тот же вальс.
- Боюсь, в других вальсах тебя не будет.
- Буду, Пьеро... я буду во всех твоих вальсах.

xxx

Продюсер – таинственный армянин Ашот, дальний родственник Шарля Азнавура – нашёл меня, играющего мюзеты в переходе метро «Тверская» – «Пушкинская», в середине девяностых. Его братья, проживающие в Париже, решили, что французская национальная культура в глубоком кризисе и её необходимо срочно поднимать с колен. Пользуясь именем великого шансонье, они выпросили у французского правительства деньги и поручили Ашоту-продюсеру найти в Москве аккордеониста. Большого абсурда представить просто невозможно. Но...

- Сколько за песню? – пристально глядя мне в глаза, поинтересовался Ашот.
- Триста, – высчитал я рублёвый эквивалент тогдашних десяти долларов.
- Это за первые три – аванс, – кивнул продюсер и отсчитал девять стодолларовых купюр.

Девятьсот долларов в руках голодного студента-музыканта способны оправдать самый дикий абсурд. После такого аванса я готов был выслушивать утопические обещания Ашота относительно моих сольных концертов в «Мулен руж» и концертном зале «Олимпия». Уж если армяне взялись поднимать французскую культуру, можно и в Лувре набалалайкать.

Продюсер Ашот познакомил меня с Лёвушкой, которого нашёл за звукорежиссёрским пультом в гей-клубе «Шанс», снял нам студию на шоссе Энтузиастов, где Лёвушка в свободные ночи подрабатывал сторожем. Платил Ашот за каждый вальс авансом. Постоянно напоминал о горящих сроках, но всякий раз тормозил работу многочасовыми разговорами о наполеоновских планах армянской диаспоры.

– Покажем лягушатникам, как надо их музыку играть! – торжествующе потрясал кулачками продюсер. – Давай, дорогой! Раз-два-три...

– Жанна, если Ашот не врёт, я приглашу тебя на мой парижский концерт... – аккордеонная трель утихла в ожидании ответа.

– Ах, мой Пьеро, я буду занята. Во время концерта мы с тобой пойдём гулять по Булонскому лесу.

xxx

– Пётр, вы не в настроении, почему молчит ваш инструмент? – спросил Лёвушка в середине ноября, когда ржавые челюсти промзоны зачавкали первым снегом.

– Жанна пока не пришла...

– Начните, пожалуйста, мне очень холодно, а когда звучит ваша музыка...

В тот день Лёвушка позволил себе говорить во время моего исполнения. Его голос звучал в наушниках, в ответ звучала музыка.

– В Париже сейчас тепло... Плюс семнадцать – по радио передавали... Я вышел сегодня из метро «Авиамоторная» и расплакался... Здесь, в Москве, слякоть и воняет всяким непотребством, а так хочется запаха жареных каштанов... Как вам удаётся сыграть их аромат, Петр? Вы не поверите, но я его чувствую... Когда вы с Жанной будете заказывать каштаны, возьмите и для меня... Только не сворачивайте на Монпарнас... Опять она к вам пристаёт!.. Гадкая девчонка... Скажите ей, что я ревную... И ей от меня привет... Ох, начинается, опять я буду слушать ваши плотские утехи...

xxx

Ашот торжественно расплатился за девятый вальс и мгновенно сторбился под тяжестью роскошного армянского носа.

- Деньги кончились... – грустно произнёс продюсер.
- Мы бесплатно допишем диск, – синхронно выдохнули мы с Лёвушкой.
- А за студию платить, за тираж, за упаковку... – развёл руками Ашот.
- Как же национальная гордость Франции? – поинтересовался я.
- На каждую гордость есть внуки дедушки Шарло...

xxx

Пару недель Лёвушка почти каждый день приходил ко мне в переход. Специально для него я играл наши вальсы. Он прятал слёзы.

Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три... Я считал про себя, чтобы успокоиться. Лёвушке просто, всплакнул – и полегчало. Мою боль не выплакать. А играть о ней... – становится только больнее.

- Мы больше не увидимся, я уезжаю, – сообщил он перед Новым годом.
- Далеко?
- Вы не поверите, Пётр.
- В Париж?!
- Только мне страшно. Вдруг он не такой, как в ваших вальсах...
- Лёвушка, он – Париж, а уж если нет – у тебя есть наши записи.

xxx

Французские вальсы – не самый доходный репертуар в московском метро. За них не кидают денег в шляпу. Публика предпочитает либо уголовный жанр, по неведомой причине именуемый «шансоном», либо что-то омерзительно-попсовое из телеэфира. Удивительно, но за десять с небольшим лет моих концертов в московском «Метрополитен», пристрастия публики практически не изменились. Я играл мюзеты редко, когда становилось особенно тошно. Обычно под вечер, перед уходом домой. Вальсы похожи на шампанское: мгновенное опьянение и столь же стремительно накатывающее похмелье. С головными болями, депрессией, социофобией. Но несколько минут мюзета стоят любого похмелья.

– Скажите, как мне, пожалуйста, ехать на метро... «Шоссе Энтузиастов», – спросила очаровательная шатенка, дослушав вальс, и аккуратно положила в шляпу бумажный доллар.

– Жанна?..

xxx

– Пьер, как ты можешь знать все мои сны? – поражённая подробностями, девушка пыталась найти хоть одно несоответствие.

– Я их придумал, пока записывал вальсы.

– Покажешь мне студию?..

Свет на заброшенном заводе отключили полностью. Пришлось вернуться к метро и купить фонарик, чтобы отыскать две крошечные комнатки нашей студии, не переломав ноги. Аппаратуру на радость паукам не вывезли. Решив устроить Жанне полное погружение в её сны, я расчехлил аккордеон.

– Удивительно... Словно я уже была здесь... – дрожащим голосом проговорила девушка из темноты.

Была... В каждой мелодии, в каждом звуке... Без тебя ничего бы не произошло. А вдруг, ты была в этой студии единственным реальным персонажем?

– Пьер... – её руки легли мне на плечи, скрутив мелодию вальса в волшебный клубок.

Какой трепетной и нежной может быть первая близость в подвале заброшенного завода в промзоне на шоссе Энтузиастов...

xxx

Ответный визит в страну грёз случился несколько месяцев спустя. В канун Рождества взволнованная Жанна встретила меня в аэропорту «Шарль де Голль», ей безумно хотелось, чтобы мои фантазии тоже совпали с реальностью.

Париж трясло арабскими демонстрациями, мы постоянно натыкались на перевёрнутые горящие автомобили. Когда нас ограбила стайка смуглых парней с повязками на лицах, погружение в реальность окончательно разочаровало. Как спасение, где-то на периферии сознания появились звуки вальса-мюзета. И я, наконец, узнал Париж. Мой Париж. Наш... Жанна это мгновенно почувствовала.

– Помнишь? Помнишь? Помнишь? – спрашивала она всякий раз, когда мы оказывались на улочке из моих фантазий.

– Помню...

– Твой Париж, Пьеро... он настоящий, а это всё...

– Париж там, где... – я не договорил, вспомнил подвал на заброшенном заводе и улыбнулся.

Если люди живут в природных условиях планеты Земля, в пространстве вальса-мюзета они тоже могут жить. Человек – не постоянно умирающее тело и не диск с накопленной информацией. Человек – бесконечный танец эмоций. Каждый из нас – вереница переживаний. Вальс, как среда обитания, идеально нам подходит.

На Champs-Élysées мы столкнулись с Лёвушкой и его мужем Тьерри – милым адвокатом по авторскому праву. От этой пары веяло нежностью и Парижем, который я себе представлял.

– Столько лет мечтал угостить вас каштанами! – воскликнул Лёвушка и, не принимая возражений, увлёк нас в кафе.

Было забавно наблюдать, как знакомятся Жанна и Лёвушка, знавшие друг друга лишь по моим фантазиям. Ревность, радость, трепет... Шампанское, танцы под ансамбль, исполнявший репертуар моего недописанного диска. Лёвушка вспоминал пронзительные пустяки из нашего общего прошлого.

Через столик от нас я заметил Шарля Азнавура, что-то шептавшего на ушко очаровательной юной брюнетке. Захотелось поблагодарить маэстро за счастливую возможность записать французские вальсы, но путь к его столику преградили крепкие парни. Судя по профилям, родственники Ашота. Я сказал спасибо им. Вдруг именно они послали мне продюсера?

Опьянённые вальсами и шампанским, мы попрощались с друзьями и отправились к Жанне. По дороге к её дому я узнал перекрёсток, где впервые заговорил с ней.

– Мадмуазель, как пройти к площади л’Этуаль?

Раз-два-три...

– Пётр, простите... у меня магнитофон плёнку зажевал, пишем заново, – раздалось в наушниках.

Клен ты мой опавший...

Рэгтайм
Allegretto

Аэропорт Ванкувера в последние часы полета представлялся мне одной большой курилкой. Виновата не зависимость от табака, а здоровое чувство относительно свободного человека, которому, по непонятной причине, не позволяют делать то, что он хочет. На проверку аэропорт оказался похож на гигантскую футуристическую пепельницу, к которой периодически подъезжали монорельсовые зажигалки. Таможенники были весьма подозрительны, в их глазах читалось недоверие, плавно переходящее в немой укор: «Почему вы без лыж?!». А с лыжами были все, кроме нас, и это несмотря на то, что до олимпиады в Ванкувере оставалось еще месяцев пять. Таможенники тщательно обследовали всю нашу ручную кладь, тщетно пытаясь обнаружить в ней хоть какие-нибудь, ну хоть детские лыжи. Не нашли, злобно пожелали «приятного пребывания» с ярко проступающим подтекстом: «Эти русские думают, что им все позволено» – и...

... Икая от вождления, я помчался в Канаду. Курить!

Ни одна голливудская мелодрама не способна передать поэзии последних шагов к выходу из аэропорта. Такое стремление к объекту страсти не снилось даже Ромео и Джульетте. Все, как в замедленной съемке (это неправильно с точки зрения профессиональной терминологии, пусть!). Сквозь тонированные стекла здания аэропорта маняще светит солнце, похожее на свет в конце тоннеля, образованного некурящими лыжниками. Я прорываюсь, спотыкаясь о лыжи, палки и сноуборды, я без должного пиетета выражаюсь о зимних видах спорта и ванкуверской олимпиаде в целом. До выхода десять шагов, девять, восемь, семь...

Неужели я попал в канадский рай? Мое имя написано по-английски на табличке, а над табличкой – ангельский лик! Вождленная сигарета падает к ногам ангела. Я вспомню о ней через три часа.

xxx

По договоренности нашей редакции с местным телеканалом мою съемочную группу встречала журналистка по имени Тиффани. Для того чтобы осуществить мечту о сигарете, для начала надо было вспомнить, как люди дышат. Это было нечто надэротическое. Я услышал, как бьется ее сердце, я поймал ритм ее дыхания. Наступило состояние эйфории, когда знаешь ответы на все вопросы. В реальность меня ненадолго вернул удар штативом от камеры Betacam по спине. Брутальный оператор, не знающий слов и кадров любви, так же, как и я, стремился к долгожданной сигарете и налетел на меня, застывшего перед Тиффани.

Пока мы грузили технику в ее огромный серебристый «Крайслер», мое тело откликалось на каждое ее движение. Я чувствовал сопротивление дверной ручки ее пальчикам, я подробно проживал процедуру фиксации ремня безопасности, мои руки и ноги включились в процесс вождения, когда машина тронулась с места. Я сидел рядом с ней на переднем сиденье. Нет, я парил, не чувствуя гравитации.

Тиффани ангельским голосом ворковала о цели нашего визита. Если человека моей профессии умудрятся пустить в Рай, обязательно послушаю ангелов и сравню их голоса. Я слышал мелодию ее голоса, я видел губы, которые эту мелодию до меня доносят, я понимал все – и ничего. Во всяком случае, ничего по делу.

Когда в моем сознании зазвучала третья часть божественной симфонии, Тиффани неожиданно оставила нас у гостиницы, пообещав вернуться через два часа. Лучше бы меня несколько раз расстреляли и пару раз повесили! Я начал задыхаться в прямом смысле этого слова. В руках почему-то оказалась ее перчатка, которую я безуспешно пытался вдохнуть.

xxx

С подробным, но не очень убедительным рассказом на тему «Почему без лыж?» мы разместились в гостинице. Под моим окном я обнаружил породистый канадский клен, увешанный местной символикой. Ничего ностальгически-есенинского он не навевал – каждое прикосновение листьев к моему окну шептало: «Тиффани, Тиффани, Тиффани».

Эта магическая перемена во мне могла подорвать дух съемочной группы, которая в панике наблюдала, как циничный телевизионщик, которого они привыкли видеть в моем лице, прикладывает к губам перчатку. Я пожалел неокрепшие умы и сердца. До встречи с Тиффани оставалось еще полтора часа. Я решил провести рекогносцировку, дабы оградить съемочную группу от употребления алкоголя и убить мучительно тянущиеся минуты.

Глядеться в озера синие и рвать в полях ромашки вполне можно и в Канаде. Такое ощущение, что очутился где-нибудь между Рязанью и Муромом. Однажды, снимая предвыборный ролик для коммунистов и не найдя ночью на «Мосфильме» кадров русской природы, я нагло спер в «Очевидном-невероятном» природу канадскую. И что! Коммунисты удовлетворенно чмокали губами – делали вид, что узнают кадры:

– Ой! А это возле моей дачи на Селигере! Вот там за лесом – мой дом!

Не знаю, тот ли это был кадр, но за похожим канадским ельником я обнаружил лесоперабатывающий завод. Классическая лесопилка, но с «евроремонтом». Однако не уничтожение флоры было целью моего появления в канадской глуши. Я приехал снимать телевизионную программу о непростой жизни лилипутов, великанов и других, непохожих на большинство. По наводке редакции я обнаружил рядом с лесопилкой самый банальный бар, но с весьма нестандартной развлекательной программой. «Чемпионат по метанию карликов» – гордо гласила вывеска на входе. Моя задача формулировалась просто: показать пресыщенному чернухой и расчлененкой российскому телезрителю зловещий цинизм канадских буржуев. Прочи-

чено только самочувствием карликов. Хозяин заведения, как я выяснил позднее, принимает ставки и деньги от участников и делит выручку пополам с маленькими людьми.

Под рев публики у заветной черты появился первый участник – передовик лесопильного производства Матье. Он подошел к «снарядам», приподнял каждого, выбирая оптимального по весу. Это напомнило мне выбор шара в боулинге. Сделав выбор, Матье посадил карлика себе на ладонь, отошел в угол заведения и начал разбег. В монтаже у меня была возможность просмотреть этот эпизод в замедленном воспроизведении. Матье был прекрасен, как олимпийский бог. Добежав до черты, он метнул карлика в угол. «Снаряд», совершенно не думая о приземлении, вытянулся в струну, стараясь улететь как можно дальше. Зрители приветствовали попытку ревом. Место приземления карлика отметили мелом.

Я смотрел чемпионат по метанию карликов только потому, что на это действо смотрела Тиффани. Мое внимание растворилось в ее внимании. С тем же успехом я бы растворился в мексиканском сериале, телевизионном суде или еще какой-нибудь теле-дряни. Я позволил себе взять ее руку, и она ее не отняла. Она сжала мою руку, а заодно сердце, душу и прочие органы.

Процедуру метания карликов повторили пять лесопилов. Каждый демонстрировал свою неповторимую технику от процедуры выбора до способа метания. Ганье, больше похожий на американского кинодальнобойщика, раскрутил свой «снаряд» за ногу, но не попал в угол, сметя карликом несколько столиков. Попытка Матье оставалась лучшей. У хозяина, принявшего ставки, скопилось несколько сотен канадских долларов.

К черте подошел супертяжеловес Жак. В заведении воцарилась мертвая тишина. Жак сосредоточенно выбрал карлика, медленно отошел в угол и собрался начать разбег. В этот момент в зале началась суэта, сопровождаемая криками и звоном бьющейся посуды. Создалось ощущение, что в канадский бар хлынула советская первомайская демонстрация. Преграждая путь Жаку, у черты выстроились пять хипповатых персонажей. Они выкрикивали лозунги, которые сложно было различить в шуме негодования участников и зрителей чемпионата.

Я на мгновенье отпустил руку Тиффани, чтобы скорректировать оператору съемочную задачу. Подобравшись поближе, я понял, что произошло. Это оказались местные правозащитники, которые пришли защищать права карликов. Увидев съемочную группу, правозащитники забыли о цели визита и стали работать на камеру. Об их благородных целях напоминали только тексты кричалок. Хозяин вежливо предложил им отойти от черты и не мешать проведению чемпионата. Получив отказ, он обратился к публике в поисках решения проблемы. Публика на скудном, но емком диалекте местных лесопилов объяснила правозащитникам свое к ним отношение и предложила прекратить акцию протеста. В этот момент к борцам за права карликов подошел Жак. Его остановили на взлете, наверное, он шел к лучшему броску своей жизни, только этим я могу объяснить произошедшее дальше. Жак хмуро посмотрел на одного из хиппи, размахнулся и ударил его карликом по голове.

Возникшая пауза, если ее воспринимать как оценку события персонажами литературного произведения восхищает бездной трактовок: от «ой, я, кажется, оскорбил человеческое достоинство маленького человека» до «а вот теперь вы переступили черту, отделяющую добро от зла». От трактовок меня отвлек карлик, употребленный в качестве бейсбольной биты. Он встал, поправил хоккейный шлем и изо всех сил двинул ближайшему из правозащитников кулаком в пах.

Впервые в жизни мне изменил телевизионный инстинкт. В начавшейся драке, мгновенно миновавшей грань жестокости, я даже не подумал спасти камеру, я бросился спасать Тиффани. Хрупкую, нежную, мою Тиффани. Она стояла у барной стойки, там же, где я ее оставил. Справа от нее два карлика топтали ногами правозащитника с наполовину вырванными дредами, слева – Ганье тёр лицом о колонну самого крикливого из борцов за права карликов. В тонких фарфоровых ручках Тиффани была голова третьего правозащитника, которую она зачем-то регулярно с хрустом и брызгами крови опускала на барную стойку. Устав от этой

странной процедуры или потеряв интерес к предмету в своих ручках, Тиффани повернулась к залу в поисках следующей жертвы. Наши глаза встретились...

xxx

Ночью, когда Тиффани отпустили из полицейского участка, она пригласила меня к себе...

xxx

... Наряд милиции, встречавший меня в аэропорту «Шереметьево», не понял, почему я не поехал к Тиффани и зачем я оборвал все листья с клена у моей гостиницы, но взял с меня всего триста долларов за курение в туалете самолета.

Snowman

Блюз.

– Эй, нигер, я возьму выпивку и отнесу свою задницу вон в тот угол, а ты поставь реальный джаз, а не это дерьмо...

Если бы эту фразу произнес герой американского боевика «серии С» где-нибудь в Гарлеме, ему бы по сценарию оторвали голову, не дав договорить. Я умудрился изрыгнуть этот бред в Венеции... В сказочном городе, в котором писали вечную музыку Арригони и Мерула, Ферро и Марини, здесь начинал творить великий Вивальди, Петр Ильич Чайковский написал свою четвертую симфонию, да и все великие композиторы в той или иной степени стремились сюда, надеясь выловить свою музу в одном из каналов. Здесь каждый поворот головы, даже каждое движение взгляда обрекает вас на эстетическую истерику, открывая еще более прекрасную Венецию, которая измывается над вами всеми своими каналами. Это похоже на гонку без финиша. Только здесь примитивное человеческое существо может осознать нескончаемость вселенной, почувствовав бесконечность совершенства. Мне же, за несколько часов до наступления дня рождения, который я приехал праздновать именно в этот волшебный город, противоестественным образом удалось отыскать в Венеции негритянский джазовый клуб.

Первое, что я сказал бармену, войдя в это отвратительно некурящее заведение с вывеской, нарушающей права человека – «Vietato fumare» (курить запрещено):

– Это не джаз! Это Пьяццола!

Спокойный, как жертва передозировки наркотиков, бармен со следами высшего образования над отвратительно белым воротничком показал мне коробку от играющего диска, проведя ухоженным ногтем под соответствующей надписью:

– Латино джаз, сеньор!

Праведный гнев сдавил дыхательные пути. Хорошо, что мои, а не барменовские. Я осмотрелся. Разочарование росло. Я был обижен в лучших чувствах, как Вини Пух, которому подсунули неправильных пчел. Это были неправильные негры! Трезвые. Некурящие. Мило беседующие о чем угодно, но не о джазе, наркотиках и убийствах. Об этом ли снимаются голливудские боевики!

Я готов был расплакаться, как ребенок, которому подарили машинку с неоткрывающимися дверцами. В этом заведении было все: негры, джаз, которого я таки добился, проведя своим ногтем под нужной надписью, здесь была даже русская водка польского разлива. Не было души. Я понял, что эта роль, эта высшая миссия отведена мне. Тут я как раз и изрек про «задницу в угол».

В глазах бармена за линзами вшиво-интеллигентского непонимания я разглядел шевель-нувшуюся мысль. Клуб повернул ко мне комедию рафинированно улыбающихся масок, похожую на страшный сон подвыпившей Дездемоны. Весь этот Институт благородных девиц имени Патриса Лумумбы замер. Было ощущение, что от негодования они вот-вот начнут цитировать в мой адрес стихи Ариосто. Во мне кипел праведный расизм. Хоть бы морду набили, что ли... Душу согревала только божественная Элла Фицджеральд:

– Summer time...

И я держал речь... Похожую на коктейль «Лонг Айленд», в который сливается практически все содержимое бара. Мой состоял из английского с итальянским, а для связок я вспоминал все самые грязные ругательства, почерпнутые из американского кинематографа:

– Мои черные братья! В джазовых клубах Нового Орлеана, на родине джаза...

Меня понесло. Я никогда не был в Новом Орлеане, но в этот момент все дороги резко свернули с направления «Рим» и повели именно туда. Рассказывая о нем, я говорил о переживаемом когнитивном диссонансе, попутно объясняя дрессированным венецианским неграм свои пожелания. Это была программная речь кандидата, только что ставшего президентом где-нибудь в Зимбабве. Передо мной в этот момент расступилось бы Адриатическое море, если бы я задумал организовать исход этих негров из Венеции в Новый Орлеан. В конце я произнес несколько малопрстойных слов про аудио систему, воспроизводящую музыку, с которой призывал их вступить в близкие отношения, не описанные ни у Фрейда, ни в уголовном кодексе.

– ... а еще у нас в Новом Орлеане, в джазовых клубах звучит ЖИВАЯ музыка!

И тут я услышал первый робкий fuck в свой адрес! Даже «Негоден», услышанное однажды в военкомате, не оказало на меня столь благостного воздействия. Один из этих одуванчиков-негативов порылся в ДНК и извлек оттуда хоть что-то близкое русскому сердцу:

– Если ты такой крутой, сыграй нам что-нибудь... – и он трогательно добавил еще один несмелый fuck.

Моя черная, с музыкальной точки зрения, душа только этого и просила. Я сел к фортепиано и стал наглядно демонстрировать этим эскимосам-мутантам, кто из нас негр. «Сент-Луис Блюз» отвлек их от безалкогольных коктейлей. «Джорджия» призвала к напиткам покрепче. Когда я стал издеваться над популярными итальянскими песнями, ввергая их в пучину джазовых обработок и импровизаций, в клубе стало светлее, – мои негры обнажили улыбки, сверкающие, как альпийский снег. Некоторые стали подпевать.

За окнами засыпала Венеция. Истопанная миллионами ног, утомленная вздохами восхищенных туристов, вспененная очаровательно курносими носами гондол. Я курил под дверью на улице, – негры полюбили меня, но курить в заведении не разрешили, подарив еще одну возможность полюбоваться ночной Венецией. Удивительные венецианские фонари расположены ровно на такой высоте, чтобы осветить всю красоту ночного города для загулявшего туриста, не лишая его возможности созерцать звездное небо, на случай приступов романтизма. Их свет странным образом не меняет отношения человека к освещенному объекту. Такое чувство, что тебе предлагают: ты посмотри и составь свое мнение. Венеции все равно, что о ней подумают. Она индифферентна и прекрасна.

– Слышь! Snow White (Белоснежка)! Давай угоним гондолу и поплывем в Новый Орлеан!

Сказал мне негр, спрыгивая со стола, на котором он только что танцевал рок-н-ролл. Остальные готовы были присоединиться. Наверное, в них заговорила кровь предков, прибывших в Венецию в качестве гребцов на галерах, и руки потянулись к веслу. Я представил себе картинку: длинная гондола, по бокам сидят мои негры, а я прохаживаюсь с плеточкой, с помощью которой периодически объясняю им неоспоримые преимущества демократических институтов.

Негры не унимались. Передо мной встала угроза лишения шенгенской визы. Моих черных братьев в полиции пожурят, слегка оштрафуют и отпустят, а для меня въезд в Венецию

может закрыться на годы. Нужен был жесткий отвлекающий фактор. Я посмотрел на часы и понял, что до наступления моего дня рождения осталось две минуты.

– Мои черные братья! Через две минуты у меня день рождения...

Остальное они не дослушали. Крики, свист и топот были, наверное, слышны даже в Милане. Только один подозрительно светлый негр, похожий на сотрудника местного КГБ, на всякий случай попросил предъявить паспорт. После чего меня схватили бледные ладони черных рук, похожие на экзотических змей, и отнесли к фортепиано, к моему счастью забыв о гондолах и Новом Орлеане.

Вошедшая парочка американских туристов, приехавшая в Венецию отдохнуть от толерантности и политкорректности, была сметена мощью негритянского хора:

Happy birthday to you,

Happy birthday to you,

Happy birthday fucking snowman (не самый лучший Снеговик),

Happy birthday to you.

Ленивец

Румба

Meditabondo

– А сейчас самый ответственный момент! Малютка Хорхе должен первый раз в жизни покакать! – ее изумрудные глаза сияли волшебным и диковатым огнем. До этого момента мне приходилось видеть подобный огонь исключительно в разгар плотских утех, сильно напоминавших капуэйра.

– Что мне надо делать? – произнес я и осознал, что ревную.

– Когда он сползет по твоей руке на землю, нежно-нежно массируй ему животик.

Мне предстояло научить свежерожденного ленивца по имени Хорхе самому главному делу в его жизни. И это не самое оригинальное, на что я был готов ради Хуаниты – страстной и нежной латиноамериканской богини. Для нее я был готов на все: прыгать с парашютом, целовать анаконду, танцевать голым на многолюдной площади, погружаться с аквалангом на невероятную глубину. И это лишь краткое описание культурной программы последних двух недель. Ей даже не приходилось брать меня «на слабо». Я был настолько влюблен, что потерял чувство опасности, а заодно и болевой порог. Предложение провести мастер класс по «ленивой дефекации (процессу отправления естественных надобностей)» я воспринял, как еще одну фигуру «Румбы», которой учила меня Хуанита.

– Может ему слабительного? – предложил я.

– Ты что! Это же первый раз!

Я уверен, что к потере собственной девственности Хуанита не отнеслась с таким же трепетом.

За два месяца до первой торжественной дефекации крошечного ленивца Хорхе, в России началась президентская предвыборная кампания. Поскольку ее результат был более предсказуем, чем финал естественного процесса работы пищеварительного тракта новорожденного экзотического зверька, я, как журналист, воспитанный в смутное время, предпочел самоустрашиться. Было оскорбительно, что теперь мои слова не щедро оплачиваются и только после этого нежно нашептываются, а грубо и бесплатно выкрикиваются сверху. Моя журналистская честь, заметно подорожавшая благодаря пугчам и беспределу, стала похожа на акцию обанкротившейся компании. Поскольку практически все коллеги уже высунули языки для вылизывания

вания отдельных органов власти, наивно думая, что им воздастся, я мог выбирать место добровольной ссылки. Мне предложили Китай, Северную Африку и Бразилию. Слово Бразилия, как поклонник латиноамериканской музыки, я договорил раньше редактора, предлагавшего мне это счастье.

- Что же ты делаешь! Массируют по солнышку! – в глазах Хуаниты вспыхнула паника.
- Это как?
- По часовой стрелке! Смотри!

Как поэтично. «По солнышку». Сволочь Хорхе был моим соперником уже неделю. В Бразилии в то время не было ни выборов, ни переворотов, до карнавала – море времени, так что я в свое удовольствие снимал сюжеты о зоопарках, концертах и выставках. С Хаунитой – «главной по ленивцам» вся Бразилия – я познакомился в специальном питомнике по реабилитации и «социальной» адаптации этих милых существ. И пропал. Уже две недели я существовал в танце. Это не была любовь, не была страсть, это был именно танец. Румба! Хуанита все делала, танцуя: ходила, ела, даже спала. Не могу представить, что ей снилось, но сон ее тоже был танцем. Если бы не сумасшедший ритм, который задавала эта удивительная девушка, я, может быть, и смог бы разобраться в наших отношениях. Но все было настолько интенсивно.

– Хорхе, дорогой, папа тебе поможет, у тебя все получится! – Милый, – это уже мне, – теперь чуть-чуть сильнее надавливай.

Удивительные существа – ленивцы. Всю жизнь висят на дереве. Лопают листья, слизывают с собственной шерсти росу, чтобы не умереть от жажды. А на землю спускаются примерно раз в неделю, чтобы погадить. Это единственное, что побеждает их страх перед хищниками. За свалившимися младенцами мамы не спускаются, потому как страшно. Не возьмусь обсуждать их нравственные ценности и моральные устои, это их ценности и устои. Внешне же они очаровательны. Умные широко посаженные глазки, ловкие ручки с длинными когтями. Они напоминают небольших бурых медвежат, по которым проехался асфальтовый каток. При этом бездна обаяния и какая-то «фига в кармане», хотя сложно представить фигу, сложенную из протянутых в вечность когтей ленивца. Путешествия по разным странам и континентам позволяют мне судить о том, что в отдельных государствах подобных существ вполне можно признавать гражданами и выдавать паспорт.

Бедолага Хорхе свалился неделю назад, мы с Хуанитой стали его родителями. Процесс, которым мы в тот момент занимались, по важности не имеет аналогов в человеческом обществе. Это больше, чем читать, писать, ходить, говорить, тем более – голосовать. Для ленивцев это выше религии и всех инстинктов.

Сначала я поставил на землю руку, имитируя дерево, посадил Хорхе себе на плечо и медленно-медленно стал подталкивать его в сторону земли. Потом, помогая природе в целом и пищеварительному тракту ленивца в частности, я средним пальцем правой руки начал массировать ему животик.

- Он начал тужиться! – за две недели мне ни разу не удалось подобного блеска в ее глазах. Ни сексом, ни комплиментами, ни подарками, ничем.
- Сейчас нагадит.
- Давай-давай, мой хороший, давай-давай, мой любимый!

Я уже не ревновал, я завидовал. И зависть моя стремительно чернела. Ко мне и моему журналистскому творчеству никто никогда не относился с таким вниманием, как Хуанита к

маленькому ленивцу и его «творчеству». Может быть потому, что я со всеми своими поту-гами и понтами не так уж и важен? Да и творчество ли то, чем я занимаюсь? Интересно, кто важнее, с точки зрения мировой гармонии, журналист или маленький какающий ленивец? В современном мире журналист – часть шоу-бизнеса. Он сам являет собой новость. И важность любой новости зависит от персоны журналиста, выдающего спущенную сверху или оплачен-ную интерпретацию действительности. Журналист – небожитель. Он сидит высоко-высоко и спускается на грешную землю только, чтобы...

– Получилось! – Хуанита держала в ладони крошечный зеленовато-коричневый комочек. На безымянном пальце ее ручки поблескивал небольшой бриллиантик, который я ей подарил. В ее глазах, рядом с комочком, бриллиантик выглядел тусклой стекляшкой. – Хорхе, какой ты умница!

Хуанита от счастья перешла с понятного нам обоим английского на понятный только ей португальский. Перевод читался в ее глазах, так что я все понял.

Для завершения ритуала Хорхе должен был по руке заползти мне на плечо, служившее ему деревом. Я аккуратно подтолкнул его. Он вцепился в кожу коготками – иголками и мед-ленно пополз. В его глазках – бусинках светилось полное удовлетворение.

Звездочёт

Рапсодия
Adagio

– Я на эту тварь натываюсь по сто раз на дню! – перегнувшись через перила балкона, Руслана смачно плюнула на макушку статуи. Пять лет назад изваяние из золота 750-й пробы было точной копией Русланы в полный рост. Несмотря на мягкость благородного металла, статуя сохранилась значительно лучше оригинала.

– Потрясающая меткость! Тренируешься? – я обрадовался, что заунывные трехчасовые жалобы на горькую женскую долю наконец-то переросли хотя бы в агрессию.

– Как увижу, так плюю, – она еще раз плюнула – и снова попала.

– Не заржавеет? – мой вопрос был частью отходного маневра – начинался унылый осен-ний дождик, и я собирался избежать дальнейших душеизлияний под предлогом спасения садо-вого инвентаря.

– Скорее, я заржавею... или сдохну, – в последнее время Руслана источала влагу либо слезными железами, либо слюнными. Теперь она снова заплакала.

– Мне инструменты убрать надо, дождь пошел, а то заржавеют. И дом закрывать на зиму. Приходи вечером на картошку, – я от всей души надеялся, что она откажется от ежегодного ритуала – прощальных посиделок у костра с печёной картошкой.

– Не приду. У нас новая фенечка, – злобно всхлипнув, Руслана сдвинула рукав свитера и показала мне браслет, мигающий зелеными огоньками.

В этом браслете было что-то инопланетное и жуткое. Казалось, что из него сейчас выпол-зут щупальца мерзкого липкого инопланетянина, поработившего Руслану, и утащат меня в мрачный скользкий каземат на вечные муки.

– Что это? – я удивился, до сих пор мне приходилось видеть на ней исключительно юве-лирный эксклюзив.

– Ошейник. Строгий. С этой побрякушкой я могу дойти только до забора. Дальше меня током... вырубает. Так что пригласи лучше эту золотую дуру. У нее больше шансов. Тьфу!

Мы прощались, как обычно, до начала мая. Моя ветхая деревенская избушка, в отличие от загородной резиденции Русланы, возвышавшейся по соседству, не спасала от морозов. За это лето Руслана совсем постарела, глаза безвозвратно потухли, руки переставали дрожать только после серьезной дозы алкоголя. Ее общение окончательно замкнулось между телевизором и статуей. Загрузившись новостями и кальвадосом, Руслана пересказывала своей золотой интерпретации байки из телевизора, спорила с ней, ругалась, плевалась. Я не мог предположить, что та наша встреча окажется последней.

xxx

В нашей деревне, притаившейся в музее-заповеднике, дачные участки не предполагались изначально. Хранители музея отстаивали каждый квадратный сантиметр земли, словно щитом, прикрываясь то именем великого предка-художника, то «крышей» в Кремле. Руслана и ее высокопоставленный отец появились у нас в самом начале девяностых. Сначала в деревню приехало несколько машин с мигалками, потом вереница грузовиков с солдатами, и, наконец, колонна строительной техники. Шум стройки, не утихающий даже по ночам, мешал наслаждаться соловьиными трелями, а спустя полгода дворец, построенный во всех стилях одновременно, загородил половине деревни вид на излучину реки. Жителями нашей слободы были в основном художники, скупившие деревенские дома еще во времена хрущевской оттепели. Всю жизнь за приличные деньги они писали портреты идолов компартии, но иметь членов политбюро в качестве соседей категорически не желали.

– Хорошо, что мавзолей не построили, – комментировал архитектуру соседского дворца художник Мылов – придворный членинописец (как называл его мой отец) развалившейся державы.

– Дорвались, кухаркины дети, – поддакивал ранее ненавидевший Мылова монументалист Слизунов.

– Пропала деревня, – театрально резюмировала пейзажистка и мизантропка Гринпиевич, опрокидывая рюмку водки, не чокаясь.

Мои родители, наконец выбравшиеся из-под цензурного пресса, были увлечены первой совместной выставкой и не обращали внимания на новых высокопоставленных соседей.

– Хороший мой, зачем тебе вообще это замечать? Тем более презирать. Презрение – это эмоция, а они не стоят наших эмоций. Раз ничего всё равно не изменится, ну их. Ты ёжиков накормил? – моя мама всегда умела найти нужные слова.

Фейерверк по случаю сдачи соседского дворца не имел ничего общего с убогими московскими салютами в красные дни календаря. Я даже не мог представить, насколько разнообразными и фантастическими могут быть пиротехнические снаряды. Разноцветные огни извивались и летели во всех направлениях одновременно, создавая движущиеся таинственные тени, будто в лесу начался карнавал местной нечисти. Ни один из залпов не повторялся. Не опуская головы, я добрал до узенького горбатого мостика через овраг, споткнулся о корень столетнего дуба, поднялся... Следующее пиротехническое чудо взорвалось внутри меня. Каждый новый удар сердца стал разбрасывать по телу миллионы разноцветных огней. Быстрее – быстрее – быстрее. Я испугался, почувствовав, что задыхаюсь. И этот страх вернул меня к реальности. Я понял, что случилось. На узеньком горбатом мостике, выхваченном из мрака снопом переливающихся брызг фейерверка, стояла русалка. Русалочка. Мне приходилось видеть похожих на нее волшебных созданий на маминых иллюстрациях к сказкам, но я не думал, что они могут быть настолько красивы. В раннем детстве меня пугали русалками, которые заманивают бес-

печных юношей в лес, откуда юноши никогда не возвращаются. Конечно, не возвращаются. Она прекрасна. Нет, она совершенна! За этой русалкой я готов и в лес, и в реку, и на край света.

Фейерверк перестал пугать лес взрывами и сполохами. Она стояла на мостике, запрокинув голову к небу, и что-то шептала. В лунном свете русалочка будто парила среди ракушечных кустов, разговаривала с лесом, нашептывала приказы местным эльфам. Обычный мостик, по которому я каждый день ходил к колодезю за водой, вдруг стал сказочным. За ним больше не существовало обычной деревни, в колодезье плескался волшебный звездный напиток, а вдоль тропинки выросли фантастические цветы, дурманящие меня своими экзотическими ароматами. Я готов был исполнить любое желание русалочки, а заговорить боялся. Задыхался от нахлынувших чувств и не находил слов. Странно было бы начать разговор с «привет, ты кто?». Я ждал, пока придут волшебные слова, но они все не приходили, и тогда я произнес те, которые пришли в голову первыми:

– Если ты ждешь падающую звезду, смотри правее. Обычно они над этими лиственницами, – соврал я, чтобы как-то начать разговор.

Русалочка вздрогнула, резко повернулась на голос. Внимательно разглядела меня, наверное, определяя, опасен ли я.

– Откуда ты знаешь, что я ждала звезду?

– Горбатый мостик – местная достопримечательность. Все туристы в августе приходят сюда смотреть на звёзды и загадывать желания, – мне важно было заявить, что я местный, чтобы потом предложить услуги экскурсовода.

– Я не туристка. Я теперь здесь живу. Вон в том доме, – русалочка изящным жестом указала на дворец.

– Значит, мы соседи, мой дом рядом, – мой срывающийся от волнения голос пустил несурезного скрипучего петуха.

– Тебе сколько лет? – ее взгляд вдруг стал строгим.

– Двенадцать... – пролепетал я, холодея от ужаса – вдруг ей чуть-чуть больше, и она не станет со мной дальше разговаривать.

– Мне тоже двенадцать. Ай! Я из-за тебя звезду пропустила, – русалочка топнула ножкой.

– Их сейчас много, звездопад только начался, – я пожалел, что не могу управлять вселенной.

– А вдруг это была та самая, которая бы исполнила мое желание? – в ее голосе появились капризные нотки.

Показалось, что ради нее мне хоть ненадолго позволят управлять звездопадом.

– Смотри, сейчас звезда будет здесь, – я показал рукой на небо над лиственницами, и действительно в ковш Большой медведицы упала маленькая звездочка, – Теперь здесь, – я показал в противоположную часть неба, и хвостик другой звезды исчез за ракушечным кустом, – Теперь здесь, – и звезда пролетела мимо пояса Ориона.

– Вот это да... – русалочка замерла от удивления.

Моему удивлению тоже не было предела. Наверное, вселенная благоволит влюбленным? Больше всего я боялся, что она попросит меня повторить трюк, а звезды престанут меня слушаться. Постарался поскорее сменить тему разговора.

– А почему ты здесь одна?

– Отец хвастается новым домом, все пьют водку, им не до меня.

– Руслана-а-а-а-а-а, – раздалось нестройное многоголосие из-за железного забора, отделяющего дворец от внешнего мира.

– Про меня вспомнили, я лучше пойду, а то они всю деревню на ноги поднимут, – русалочка оперлась на мою руку, спустилась с мостика.

– Можно я буду звать тебя русалочкой?– я специально не сошел с тропинки, чтобы задержать ее еще на мгновение.

– А мне как тебя называть... Звездочет?– сказочная девочка улыбнулась своей идее. Нет, она мне улыбнулась.

– Звездочет!– я чуть не задохнулся от восторга, она сделала меня частью сказки.

Мы сговорились встретиться в полдень на этом же мостике. Всю ночь я слагал стихи о русалочках и звездочетах, о нашем волшебном королевстве и его жителях. С рассветом перебрался в гамак, мне показалось, что влюбленному поэту больше подобает воспевать даму сердца, раскачиваясь в гамаке. Я закрывал глаза, вызывал в памяти образ белокурой русалочки, представлял наши романтические прогулки, робкие поцелуи... проснулся без минуты двенадцать.

Ровно в полдень я добежал до мостика. Русалочки еще не было. Я перебирал в памяти сочиненные ночью стихи, мучительно решал, с какого начать. На ходу переписывал неудачные строчки. Специально выбрал пушистый ракитовый куст, на фоне которого прочту первое стихотворение, чтобы природа, которая упоминается в нескольких строчках, тоже участвовала в представлении. Через час я подумал, что она проспала, через два – что по какой-то причине задерживается. Ближе к вечеру я понял, что моя Русалочка не придет, потому что я ей неинтересен. Я добрёл до реки, сделал из листков со стихами кораблики и один за другим отправил их в плавание. Заметив местных мальчишек, быстро разделся и бросился в воду. Не хотел, чтобы кто-нибудь видел мои слёзы. Хотелось плыть, пока силы не оставят меня, а потом... мне было всё равно.

Сознание вернулось ко мне в лодке соседей – скульпторов. Они материли моих родителей, не усмотревших за ребенком, и сокрушались по поводу сорванной рыбалки.

– Слышал, нашего-то фейерверкера главным по нефти и газу назначили,– прокашлял художник с бородой Льва Толстого и усиками Сальвадора Дали.

– То-то он, сволочь, с утра подорвался и умотал со всей своей челядью. Будем надеяться, что не вернется,– пророкотал шалыпинским басом второй сосед, выплюнул за борт папиросу и сменил коллегу на веслах.

Значит, она уехала. Значит, я напрасно страдаю. Какое счастье!

xxx

Заканчивался август, над горбатым мостиком по ночам падали звезды, в саду падали яблоки, сердце Звездочета терзалось грустными рифмами. Очень скоро родители перевезли меня в Москву. Любовь любовью, но школу никто не отменял. Я страдал до середины сентября, пока не влюбился в огненно рыжие кудри отличницы Светочки.

Вспоминать о Руслане я начал в конце весны. Увижу ли я ее летом на даче?

Не увидел.

В телевизоре периодически мелькал ее отец. Его простое русское лицо несло на себе печать незаменимости и алкоголизма. Он отчитывался об успехах и предлагал потуже затянуть пояс. Руслана рядом с ним ни разу не появилась. Прошло восемь лет. Я приезжал на дачу только на дни рождения мамы. Молодому человеку убивать лето вдали от бурлящей жизнью Москвы было бы странно, особенно, когда родители живут на даче.

Руслана появилась так же неожиданно, как когда-то исчезла.

Я приехал, как всегда, в середине июня поздравить маму. Собрал букет её любимых ромашек, нанизал свой фирменный шашлык и отправился за водой. Возвращаясь от колодца с двумя неподъемными ведрами воды, я внимательно смотрел под ноги, чтобы не споткнуться.

– Здравствуй, Звездочет...

Когда на землю падает ведро с водой, выскользнувшее из руки, сначала раздается глухой удар, затем вода, движимая силой инерции, собирается в волну и бьет в край ведра. Ударившись о край, волна наклоняет ведро и превращается в водоворот, шатающий ведро в разные стороны. Набрав силу, водоворот в конце концов переворачивает ведро. Вода с брызгами разливается, в брызгах переливается радуга. Пустые ведра, позвякивая ручками, катились по земле. Я радуга или ведро?

– Здравствуй, русалочка...– я поднял глаза и увидел на горбатом мостике эффектную блондинку с порочным ртом. Хорошо, что она назвала меня звездочётом, мог бы и не узнать.

– Узнал?– она прочитала ответ в моих глазах, а спросила, чтобы избежать неловкой паузы.

– Я думал, что мы уже никогда не увидимся...

– А я уже обрадовалась, что встретила мужика с полными ведрами,– съязвила Руслана.

– Спасибо...– я попытался поднять оба ведра одной рукой, но безуспешно.

– Хватит тормозить!– ее манера общения показалась мне ненастоящей, казалось, она тоже очень волнуется.

– Извини... Давай... встретимся здесь на закате...– я ответил строчкой одного из стихотворений, посвященных русалочке.

– Договорились,– Руслана побежала к своему дворцу.

Я вернулся к колодцу. Чтобы мысли перестали нестись одновременно во все стороны, пришлось вылить себе на голову с десяток ведер ледяной воды. Весь день ушел на придумывание сценария нашей встречи. Я перечитал стихи, написанные ей восемь лет назад, они показались мне наивными, дурацкими, плоскими, убогими. Кроме того, девушка, которую я встретил на нашем мостике, точно не имела никакого отношения к этим стихам. А ничего другого у меня не осталось. Уверенности, что Руслане будет интересно слушать истории из моей студенческой жизни, у меня не было. Для пущего смятения, после моих водных процедур у колодца, на самом кончике носа образовался прыщ. Он увеличивался с каждым моим подходом к зеркалу, грозя к вечеру превратить меня в Буратино. Прыщу хорошо. Он не пишет стихов, не терзается волнениями.

Тщательный отбор полевых цветов для букета не отвлек меня от волнений. Наоборот. Теперь я терзался, какой букет выбрать: с преобладанием ромашек или васильков. В нежно-розовом свете заката эффектнее показался ромашковый. Посмотревшись в зеркало, мы с прыщом отправились к мостику.

Руслана листала альбом с фотографиями, сидя на перилах. Заметив меня, она спрыгнула и пошла навстречу. Меня удивил и обрадовал ее новый образ: глубокое декольте и вызывающее мини исчезли вместе с боевым макияжем. Лёгкое белое платье и веночек из ромашек. Она, как смогла, приблизилась к образу русалочки. Неужели для меня?

– Это тебе... русалочка,– я протянул букет и замер в ожидании реакции.

Руслана вдохнула аромат полевых цветов, опустила букет. Я видел, что она мучительно выбирала, как меня отблагодарить. Словами?.. Поцелуем?.. Или словами?.. Или поцелуем?.. Словами? Поцелуем?

От волнения она сделала всё сразу: прижалась ко мне, ткнув в живот букетом, чмокнула в щеку и одновременно пробормотала:

– Спасибо...

И так же неуклюже отстранилась. Мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Напряжение сразу исчезло.

– Меня все считают врушкой, когда я рассказываю, как ты управлял звёздами, – выпалила Руслана, перестав смеяться.

– А ты обо мне кому-то рассказывала? – я захотел услышать эти слова еще раз.

– Конечно! Это самое удивительное, что со мной произошло за всю жизнь!

– Я думаю, что никто, кроме нас, в это никогда не поверит, – на слове «нас» по телу пробежали мурашки.

– Я принесла фотки, чтобы всё про себя рассказать, – смутилась Руслана. Неужели она тоже слышала про «нас»?

Спустя годы я узнал о причине нашего расставания. Оказывается, ее не очень трезвому папе позвонили среди ночи и предложили возглавить крупную нефте-газовую компанию. Утром они уже были в Москве, в обед на Ямале, а через неделю отец отправил Руслану учиться в Лондон. Высокопоставленный папа один занимался ее воспитанием, мать умерла при родах. Отец всегда был нежен, но никогда не спрашивал ее мнения. Руслана хотела мне написать, но не знала адреса, пыталась найти меня через знакомых, но общих знакомых у нас никогда не было.

Чтобы мы смогли в темноте разглядеть фотографии, я сбегал домой за фонариком. Альбом был очень толстым, но из сотен снимков я запомнил только мохнатые шапки бифитеров, охраняющих Букингемский дворец. Какие могут быть фотографии, когда русалочка касается твоего плеча при каждом перелистывании страницы. Мне хотелось, чтобы альбом никогда не заканчивался, но, – увы.

– Тебе интересно? – Руслана захлопнула альбом.

– Очень, – я боялся, что она попросит рассказать о моей жизни между нашими встречами, но сменить тему мне не удалось.

– А что было у тебя? – русалочка ждала от своего звездочета волшебной истории.

О чем я мог рассказать?

Я глубоко вдохнул, закрыл глаза. В моем «зажмуренном мире» по красно-черному фону замечались причудливые фигурки, составленные из полупрозрачных кружочков. Я всегда умел управлять ими, задавать траектории движения, собирать в группы и снова разлучать. Время от времени я играл ими, чтобы сосредоточиться. Сейчас они отказывались мне повиноваться.

Жираф летит вправо. Вправо, я приказываю! Морской конёк плывет вниз. Куда ты! Вниз! От злости я стал задыхаться. Попытался открыть рот, чтобы набрать воздуха, и не смог. Нежные губы моей русалочки не давали мне вдохнуть.

xxx

Наша лодка покачивалась в камышовой заводи. Бросив весла, я срывал кувшинки. Вырванные из воды, они теряли свое очарование, но я не мог не срывать цветы для Русланы, когда она была рядом. Мы целовались и слушали кузнечиков...

– Вставай! Просыпайся! Вставай же! – в глазах Русланы был ужас.

– А... Это был сон... – последние два дня я впервые в жизни существовал в мире полной гармонии. Руслана мне снилась, мы вместе просыпались...

– Вставай! Папа приехал! – она бегала по спальне, собирая в охапку мою одежду.

– Что случилось?– информация дошла до меня, но я еще не успел понять, как к ней отнестись.

– Скорее, в окно и беги к калитке за гаражами!

– Здесь же второй этаж...– наконец проснувшись, мой организм включил базовые инстинкты.

– Ты жить хочешь?– прозвучало очень убедительно.

Возле окна спальни на мое счастье оказалась вполне крепкая деревянная решетка, по которой вился дикий виноград. Аккуратно, чтобы его не повредить, я начал спускаться вниз. Листья – ладошки аплодировали рыцарю, который рискует жизнью, чтобы не скомпрометировать даму сердца.

– Гм...– раздалось за моей спиной, когда до земли оставалось всего ничего.

– Здравствуйте,– я прыгнул на землю, развернувшись в воздухе.

Передо мной, заслоняя небо, возвышался отец Русланы. Я видел его по телевизору, но не думал, что он настолько огромен.

– Кто?– трактовать его вопрос я мог очень по-разному. «Кто вылез из спальни моей дочери?», «Кто покусился на ее честь?», «Кто посмел?».

– Сосед,– выбрал самую безобидную из возможных трактовок и подобающий ответ.

– Ха-ха-ха...– смех громовержца звучал зловеще, но я почему-то не испугался.

Руслана, с невинным личиком впорхнувшая на террасу, замерла от удивления, застав нас с ее отцом в креслах с бокалами коньяка.

– О, дочка, за нее и выпьем, оба имеем повод,– отец залпом осушил бокал именного коньяка и тут же налил еще.

– С радостью,– я вдохнул аромат божественного напитка, сделал маленький глоток, прокатил коньяк по нёбу, попрощался с ним и тоже выпил залпом.

– Иди, дочка, в дом, нам поговорить надо,– громовержец сказал это нежно, но не предполагая дискуссии.

– Простите, но...– от коньяка я осмелел, хотел указать ему, что таким образом уже давно не подобает обращаться к женщине.

– В дом!– это было адресовано мне и без всякой нежности.

Отец Русланы взял издевательскую паузу. Под его тяжелым взглядом я чувствовал себя крайне неуютно. Будто меня заставили танцевать стриптиз на филармонической сцене.

– Искусствовед, говоришь,– он произнес это, как страшный неизлечимый диагноз.

– Специализируюсь на итальянской живописи эпохи Возрождения,– я собрал в кулак всю свою профессиональную гордость, но прозвучало как-то жиденько.

– Пойдешь завтра со мной на кабана, искусствовед,– это был не вопрос, а приказ.

– В заповеднике охота запрещена,– я попытался воспользоваться законом, чтобы не упоминать о том, что я в принципе не могу убить живое существо.

– Для кого как. Нам поговорить надо, а в доме ушей много.

xxx

Рассвет застал нас на подходе к лесу. Оружие убийства – неподъемное ружье, выданное отцом Русланы – оказалось для меня абсолютно инородным явлением. Постоянно съезжало

с плеча, цеплялось за кусты, било сзади по ногам. Я еще с вечера поклялся, что, если мне и предстоит выстрелить – буду целиться в другую сторону. Отчаявшись ждать, когда он заговорит, решил атаковать.

– Я прошу руки вашей дочери. Мы с Русланой любим друг друга, – выпалил на одном дыхании, даже не успел испугаться.

Он сделал несколько шагов и замер. Пристрелит или просто забьет прикладом?

– Что ж ты за... – громовец повернулся и впился в меня взглядом. Я снова не понял, как трактовать его фразу.

Мне было всё равно: оскорбит, ударит, пусть даже затопчет ногами. Любой результат лучше мучительного ожидания. В конце концов, моей любви повиновался звездопад. Моя любовь выдержала испытание временем. Ради нее существует жизнь. Ради нее не страшно умирать.

– Я всё понимаю. Любовь. И мужик ты хороший. Но кто ты? Искусствовед. Вшивый интеллигент. А моя дочь... В этой стране, если ты не ворует, денег у тебя никогда не будет. А тебе и красть негде, – его речь вдруг стала напевной, он будто разговаривал сам с собой.

– Не всё же упирается в деньги, – я воспользовался паузой в его «песне о деньгах».

– Помаетесь, переругаетесь, разбежитесь, – прозвучало, как строчка из колыбельной.

– Если у вас столько власти, что вы готовы за нас всё решить, неужели вы неспособны решить иначе? Или это для вас сложно? – я попробовал взять «на слабо», других аргументов не было.

– Всё, Руслану уже... она уехала, можем возвращаться, – он посмотрел на часы, развернулся и пошел в сторону деревни.

Это был всего лишь трюк? Дешевый, пошлый трюк, чтобы увезти Руслану без лишних скандалов? Я представил, как охранники тащат ее вниз по лестнице, запикивают в тонированный джип. Неужели абсолютная власть нуждается в таких убогих уловках? Отвлечь и чужими руками сделать подлость. И ни в коем случае при этом не присутствовать.

Ружье соскользнуло с плеча, больно ударило по ноге. А если говорить с ними на их языке? Если ответить жестокостью на жестокость? Я вскинул ружье, поставил палец на курок.

– Стоять! – хотел громко и грозно крикнуть, но получился скорее визг.

– Стрелять будешь? – остановился, удивился, но не испугался.

– Вы прямо сейчас звоните, чтобы ее вернули, – ружье дало чувство уверенности. Сейчас оно было уже не помехой, а убедительным аргументом. Я ощутил приятную тяжесть. И власть.

– А то что? – и снова в его голосе не было страха.

Скажу хоть слово и уже никогда не выстрелю. А если промолчу и нажму на курок? Что это изменит? Убийство во имя любви останется убийством. Простит ли меня Руслана? Любит ли она меня или я для нее всего лишь увлечение? Я сломаю жизнь ей и себе. Стану убийцей. Если в тюрьме напишу роман об убийстве ради любви, его никто не прочтает. Домечтавшись до тюремной литературы, я стал себе противен и опустил ружье.

– Вот видишь, куда ты? Не твои это игрушки. Ружье сдашь сторожу.

Я ощутил абсолютную пустоту. Он вползла в сознание, вытеснив смятение и горечь. Тупая, ватная пустота. Руки подняли ружье. Глаз увидел цель. Палец нажал на курок.

Убить способны не мысли и не чувства. Убивает пустота. Ей всё равно в кого и за что стрелять.

Раздался сухой щелчок. Пришлось нажать на курок еще и еще раз. И снова щелчки.

Громовец замер и медленно повернулся.

– Что ж ты... сынок,– в его голосе слышалась горечь,– Что ж ты наделал...
– Оно не было заряжено...– стало понятно, почему он совсем не испугался, стоя под дулом.
– Мне надо было знать, чего от тебя ждать,– он подошел, по-отечески прижал меня к груди.

Онемевшие руки уронили ружье на землю. Тело обмякло. Деревья слились в зеленом водовороте, затягивающим в страшную черную бездну.

– Не всегда мы можем решать свою судьбу,– его голос раздавался откуда-то сверху, спокойный и монотонный,– Жениха Руслане выбираю не я. Он будет преемником, его назначат хозяева. Это не твои и даже не мои игры. Пусть так будет. А я хочу дожить спокойно.

xxx

Спасенные в экстремальных ситуациях празднуют второй день рождения. У меня появилась дата первой смерти. Забыть о том, что ты способен убить человека, невозможно.

Сознание отказывалось принимать произошедшее. Казалось, что это какая-то болезнь, вызывающая мигрень, что я сейчас вернусь домой, съем горсть таблеток, запью их чаем с земляничным вареньем, и всё пройдет.

Спустя несколько месяцев, поняв, что избавиться от навязчивого кошмара просто так не получится, я стал искать оправдания. Обвинять во всем отца Русланы. В конце концов, именно он спровоцировал меня, унизив, растоптав чувства, доведя до крайности. Это был его выстрел. Не будь его, я никогда бы не направил оружие на живое существо. А еще лучше, если бы в моей жизни никогда не было Русланы. Это всё из-за неё.

Устав от бессмысленных обвинений, я попытался договориться со своей памятью. Или совестью? «Я каждый день кормлю бездомных собак, такой человек не способен на убийство». «Я пять раз нажал на курок незаряженного ружья, если я спасу пять живых существ, мы будем в расчете». Только было непонятно, с кем в расчете.

Я помню момент, когда наступила абсолютная апатия. Воспоминания накрывали меня во время выступления на научной конференции. Произнеся дежурную фразу «Италия – родина возрождения», я снова провалился в «сцену на охоте» и понял, что мое возрождение уже никогда не наступит. Убежал, сорвал доклад. Даже не стал оправдываться. Почувствовал приближение смерти.

Возникло желание проститься со всем, что когда-то радовало, делало счастливым, наполняло жизнь смыслом. Перебирая семейные фотографии, альбомы с репродукциями «Возрождения», бродя маршрутами детства, я тосковал по неслучившемуся счастью, несложившейся жизни. Я достал с антресолей картины моих родителей и развесил их по стенам. Особенно мне нравилось включать «Брандебургские концерты» Баха и слушать их, созерцая зимние пейзажи кисти отца.

Незаметно сцена холостого выстрела перестала быть кошмарным сном. Просто сон.

Единственное, что осталось черным осадком, какой-то копотью на душе – я перестал делить людей на авторов и исполнителей, милых и мерзких. Всё просто: выстрелю я в этого человека или нет.

xxx

О свадьбе Русланы и Феликса говорили в новостях всего мира. Она повлияла даже на котировки валют. Отец в прямом эфире благословил их брак, будучи сильно нетрезвым.

Спокойно дожить у громовержца не получилось. Очень скоро его обнаружили мертвым в подмосковной резиденции. Слухов о причине смерти было много, но уголовного дела так и не завели.

Узнав об этой смерти, я почувствовал легкость. Мое тело показалось мне невесомым. Лети, куда хочешь.

Наверное, почувствовав, что осталось недолго, отец позаботился о будущем дочери: по завещанию, доверенность Феликса на управление компанией каждый год теперь подписывала Руслана. Я не вникал в юридические тонкости, но выходило так, что ни убить ее, ни развестись в ней Феликс не мог. Как она мне потом объяснила, в случае ее смерти, всё, наворованное непосильным трудом отца, доставалось не Феликсу.

Странное представление громовержца о счастье дочери обернулось для нее фактически тюрьмой. Феликс запер жену в нашей деревне, дабы не портила ему имидж респектабельного бизнесмена и патриота регулярными светскими скандалами. Душным летним вечером к пустовавшему десять лет дворцу подъехала кавалькада тонированных джипов. Лес вздрогнул от пошлой кислотной музыки. От выхлопных газов стало нечем дышать.

По обрывкам скандала я понял, что...

– ... Ты, сука, из этой дыры больше никогда не вылезешь...

– ... Ты, убудок, не получишь доверенность...

– ... Ты, тварь, сдохнешь, если ее не подпишешь...

– ... Ты, скотина, на коленях за ней приползешь...

Джипы уехали, в домике охраны загорелся свет.

Зачем судьба устроила нам третью встречу? Я ощутил неудобство, будто в моей квартире поселился чужой незнакомый человек. И больше ничего. Пустота.

– Здравствуй, Звездочет...

– Здравствуй...

– Не узнал?..

– Я... был уверен, что мы уже никогда не увидимся...

– Увиделись...

– Увиделись...

– Почему не заходишь, я здесь уже третий день?..

Что я мог ответить? Рассказывать о моих душевных ранах было незачем. Ей хватало своих. Отец наверняка не говорил ей про холостой выстрел. А если и говорил, к чему было об этом вспоминать?

Мы стояли и молчали. Оба чувствовали боль и понимали, что делиться ею нет никакого смысла.

– Ты... заходи иногда... – ее голос дрогнул.

– Я сегодня на несколько дней уеду, а потом обязательно зайду...

– Не бросай меня, Звездочет... – я впервые увидел ее слезы. В солнечных лучах слезинки казались неправдоподобно желтыми. Даже не верилось, что выражение грусти может быть таким жизнерадостным.

xxx

Золотую статую Русланы – она в полный рост со всеми своими выдающимися женскими прелестями – Феликс установил у дворцового крыльца на очередную годовщину их свадьбы. Стоимость шедевра позволила бы культовому скульптору современности опошлить еще три Москвы. Когда с золотой бабы сняли белоснежное покрывало, я подумал, что одной левой ягодицы было бы достаточно, чтобы покончить с лесными пожарами в нашем регионе. Едкий дым мешал гостям наслаждаться «Явлением Золотой Русланы», но уйти в дом никто не смел, опасаясь гнева хозяина. Муж, опьяненный коньяком, свалившимися на голову деньгами и властью над собравшимися холуями, впал в патриотизм:

– Это не какая-нибудь модель с силиконовыми сиськами! Это – настоящая русская красавица! Вот такие женщины у нас в России! Вы знаете, как я люблю жену! Теперь вы это видите! Она для меня – и есть Россия! Великая и любимая!

Я помнил его еще белесым безликим мужчинкой, который пугался звука собственного голоса. Однако, со временем имиджмейкерам и лизоблюдам все-таки удалось убедить его в собственной исключительности, харизматичности и незаменимости. Наверное, очень старались.

Мне – единственному приглашенному не в качестве раба, а просто соседа по даче, не обязательно было купаться в этом патриотическом фонтане. В ожидании кулинарных шедевров от специально выписанного из Италии повара, остывающих с каждым лозунгом мужа Русланы, я прогуливался вдоль строя пальм в кадках, разглядывал гостей. Поражало разнообразие визуальных выражений рабской преданности. Чести оказаться на празднике было удостоено человек тридцать, и никто из них не повторялся. Слушая хозяина, сухонький дедушка с бликующей лысинкой держал над головой мобильный телефон с включенной видеокамерой, направленной на спикера; крепкий мужик в костюме от «Бриони» посадил на плечо девочку лет пяти, чтобы ей было лучше видно Феликса; дама постбальзаковского возраста, переливающаяся с ног до головы блесками, изображая заинтересованность на грани отрешенности, будто случайно поливала красным вином полупрозрачное платье анорексичной девушки, сгибающейся под тяжестью украшений, а та не смела возмутиться, потому что была не менее увлечена речью. Всех этих людей объединял один общий порыв: по мере выкрикивания лозунгов, они синхронно делали один маленький шагок к Золотой бабе, возле которой ораторствовал Феликс, будто каждая новая фраза сопровождалась магнитным импульсом. Круг сжимался. Чувствовалось, что стая вот-вот бросится на вожака и залижет насмерть. Вожак не унимался:

– Не плачь, родная моя, я понимаю, что это слишком неожиданно. Только мне ничего для тебя не жалко. Все слышали? Жена и Родина – всё, что у меня есть! Два коротки-и-и-их, один динны-ы-ы-й! Ура! Ура! Ура-а-а-а-а-а-а!!!

Гости побросали бокалы в траву, освобождая руки для аплодисментов. Руслана, захлебываясь слезами, убежала в дом.

xxx

Мы стали ходить друг к другу в гости. Для меня это были болезненно мучительные вечера. Приходилось выслушивать жалобы и выдумывать истории, чтобы как-то ее развлечь. Чаепития быстро сменились пьянками. Говорить было не о чем, а признаться в этом было страшно. Еще страшнее было то, что кроме Русланы, у меня никого не было. Пустота никогда не притягивает людей.

Каждое лето в середине июля случался перерыв в нашем общении, которого я ждал с весны. Приезжали стилисты, визажисты, массажисты – готовили Руслану к встрече с мужем. То есть, к продлению доверенности. Официально мероприятие называлось «годовщина свадьбы». Съезжались гости, устраивался фейерверк. Для Русланы это было возможностью выторговать ту или иную поблажку к тюремному режиму. В один из визитов Феликса она и настояла, чтобы меня тоже пригласили на торжество, как друга и соседа, иначе доверенность подписана не будет. Ей это вышло боком. Меня-то пригласили, но на руке появился браслет, бьющий током при пересечении линии участка. С тех пор, чтобы пригласить меня в гости, Руслане приходилось делиться с охранниками кальвадосом.

После каждой «годовщины» Руслана хвасталась синяком под глазом или разбитой губой.

– Гаденыш ничтожный! Если он думает, что через год получит доверенность – жестоко ошибается!

Весной она обычно стоила наполеоновские планы, как поквитаться с мужем. А ближе к июлю удивляла меня покорностью:

– Если не он, то кто? Если бы я могла его кем-то заменить. Так никого же нет. Нет у него конкурентов. Кто, если не он?

Я не хотел спорить. Не мое дело. Всё равно ничего изменить я не мог. Культы кухонных тиранов, как я помнил из курса истории, рушились исключительно по объективным причинам. Оставалось дожидаться, когда вселенная выстроит звёзды соответствующим образом.

xxx

Одним морозным январским утром жадность и глупость мирового финансового рынка вызвали очередную волну кризиса. Кризис серьезно урезал цены на энергоносители. Падение цен на нефть и газ вызвало забастовку на всех предприятиях компании Русланы и Феликса. Забастовка пробудила недоверие инвесторов. Инвесторы организовали проверку и выяснили, что Феликс не просто вор. Он умудрился украсть нефть и газ, которые еще даже не были выкачаны из недр многострадальной земли.

Феликс, почувствовав опасность, понял, что до следующей доверенности ждать не имеет смысла, и просто растворился в пространстве.

Тело Русланы в начале марта обнаружили судебные приставы, приехавшие в нашу деревню описывать конфискованное имущество. Она замерзла у ног золотой статуи, брошенная на голодную смерть охранниками, не получившими очередную зарплату. Браслет не выпустил ее за забор.

Огромная золотая дура, распиленная после конфискации, оказалась всего лишь позолоченной железкой.

Мальтийская сказка

Скерцо
Alegretto

«Жила была маленькая, но отважная девочка. Она носила красную шапочку и пистолет «Беретта». Все у нее было хорошо: много друзей в уголовных кругах, замечательные родители в мэрии, прибыльный и спокойный бизнес – небольшой автомобильный салон, торгующий «Бентли». Как-то раз девочка сдала бухгалтерский баланс и задумалась, а зачем я буду платить НДС (налог на добавленную стоимость), лучше я прибыль обналичу и возьму деньги себе».

– Папа, а сколько процентов девочка теряла при «обнале»? – прервал меня сын, внимательно слушавший сказку.

- От четырех до семи процентов.
- А НДС?
- Восемнадцать.
- Хорошая девочка, – сделал вывод сын.

xxx

Каждое лето мы с сыном Георгием улетаем на какой-нибудь остров, окруженный теплым морем. Распорядок дня выработан годами: утром купание, весь день мы колесим по острову на взятой на прокат машине – вживаемся в местную культуру, играем в «аборигенские» игры, а вечером снова купание. Ничего экстремального. Правда, не на всех островах понимают и принимают наши игры. Как-то на Крите нас с позором вывели из Кносского дворца, за игру в «Минотавра», – мы нечаянно напугали оптовую партию китайских туристов, а за кражу инжира, гранатов и апельсинов в приотельных садах – пару раз арестовывали. На Сардинии пришлось на ходу придумать сказку для карабинеров о загадочной русской традиции: я начал давать показания с рассказа об Адаме и Еве, а закончил тем, что в России мальчик становится мужчиной, украв яблоки в определенный день. «Вы не поверите, сеньоры карабинеры, яблоки здесь не растут, а этот день именно сегодня, так что мы заменили яблоки апельсинам!» Отпустили, даже поздравили.

Завершив ритуалы, мы падаем в кровати, и я рассказываю сыну «бухгалтерские» сказки. Традиция началось с того, что несколько моих творческих профессий договорились между собой, и как-то естественно образовался бизнес – продюсерский центр – в котором я стал учредителем, генеральным директором, а заодно и главным бухгалтером. К творчеству добавилась бухгалтерия, которая меня очаровала. Самым большим потрясением было то, что сотворение сметы – процесс гораздо более творческий, чем написание симфонии или сценария. Бухгалтерия впечатлила, захватила, поработила и дала творческий импульс к созданию бухгалтерского эпоса. Про девочку, которая решила не платить НДС, я рассказал на Мальте – заброшенном логове Тамплиеров с левосторонним движением автомобилей, без дорожных указателей и спокойным до нежности морем.

Мы выбрали дивное место – бухту Мелиха-бей. Мальта – вулканический огрызок, на котором римляне томили апостола Павла, а Тамплиеры придумали банковскую систему. Нынешние власти тоже большие молодцы: додумались насыпать песка на пляже только возле нашего отеля, за что им искренняя благодарность.

В первый же день на пляже сын познакомился с очаровательной ровесницей из Москвы. Юная нимфа Катя отдыхала с хорошо сохранившейся нимфой – мамой и папой – Аполлоном на пенсии. Я посчитал, что «сын за отца не в ответе» и не стал с ними знакомиться. Дети были увлечены морем, его жителями и друг другом, а я одним глазом посматривал за ними, другим досыпал все, что не доспал в Москве.

На второй день Катя и ее родители появились сразу после нашего прихода, расположились возле меня и стали активно знакомиться. Я про себя выругался, но был вежлив до отворачивания к себе. Пустые общие слова. Какие рестораны предпочитаете, какие премьеры успели увидеть, где успели побывать на Мальте? Удивительно, но меня не покидало странное чувство, что они имеют какой-то корыстный интерес. За этим околоветским пустословием была какая-то фига в кармане. Подумалось, что, пользуясь дружбой наших детей, они попытаются спихнуть свою Катю под мой надзор, а сами куда-нибудь смоятся. Фигушки, – подумал я. На мое счастье, пришло время нам с сыном отправляться в Голубую бухту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.